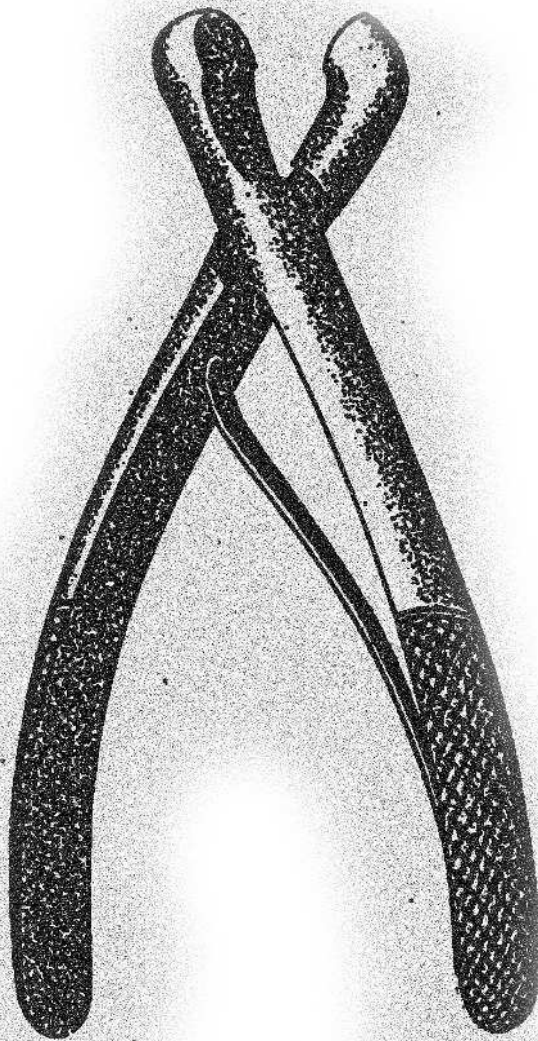

Я много раз видел это лицо — в ласковых отблесках камина... под искрящейся яркой люстрой в балльном зале, где она со мной танцевала, и ее изумрудные глаза — которые теперь тлели дьявольским оранжевым цветом, — были такими обещающими...

Чудовище забрало ее лицо...

РИК ЯНСИ
МОНСТРОЛОГ
Проклятье Вендиго

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Я65

THE CURSE OF THE WENDIGO
Rick Yancey

Published by arrangement with Simon & Schuster Books For Young Readers, an imprint of Simon & Schuster Children's Publishing Division

Янси, Рик.

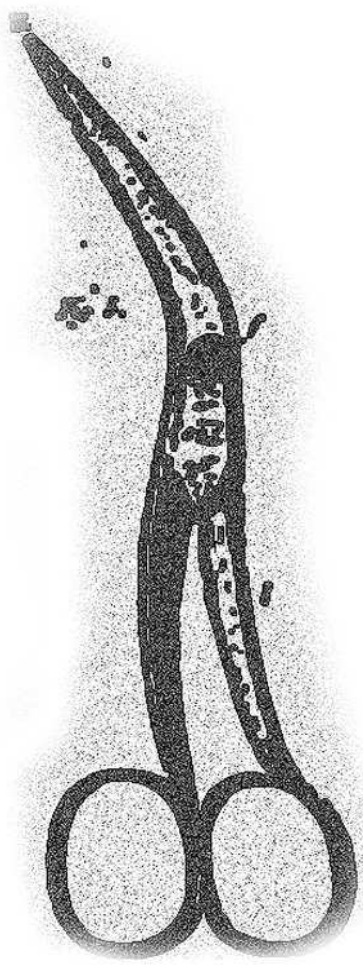
Я65 Монстролог. Проклятье Вендиго: роман / Рик Янси; пер. с англ. С. Меринова. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 416 с.
ISBN 978-5-17-083931-5

12-летний сирота Уилл Генри живет в доме доктора Пеллинора Уорттропа, известного монстролога и загадочного человека. Об их занятиях ходят жуткие слухи, и мало кто верит в то, что доктор и вправду интересуется лишь медициной. Однажды Уорттроп узнает об исчезновении своего лучшего друга и коллеги Джона Чанлера, который в поисках нового вида монстров ушел в дикие земли и не вернулся. Индейцы говорят, что теперь его душа принадлежит вендиго, и сам он, если и жив, то перестал быть человеком и превратился в вампира. Но Уорттроп отказывается верить в это и хочет во что бы то ни стало спасти своего друга.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Rick Yancey, 2010
© С. Меринов, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ»
ISBN 978-5-17-083931-5

*Посвящается Сэнди,
моему лучику света в темноте*

Ужасное индейское убийство

ВИННИПЕГ, 14 декабря. — Индейский агент Шорт прибыл сюда из Беренс Ривер с подробностями ужасного убийства, случившегося в восьми милях к западу от резервации Беренс Ривер. Индеанка, страдавшая от брюшного тифа, впала в бредовое состояние. Ее муж подумал, что она превратилась в «вендиго» и решил, что ее надо убить, чтобы не позволить ей пожрать других членов племени. Он выкручивал ей голову, пока не сломал шею. Индейца арестовали по обвинению в убийстве.

Нью-Йорк Таймс, 15 декабря 1897 года

Застрелил вождя по его приказу

ВИННИПЕГ, Манитоба, 27 октября. — Р. Дж. Чемберлен из канадской полиции, Оттава, и Б. Ж. Банналатин, индейский агент из Лаксеула, прибыли сегодня с тремя арестованными индейцами. Двое индейцев обвиняются в том, что прошлой зимой они застрелили своего вождя у Кошачьего озера, в 350 милях к северо-востоку от Динордвика. Оба арестованных рассказывают примерно следующее.

Вождь индейцев Кошачьего озера по имени Ава-са Кемиг стал «вендиго», или безумным, и приказал арестованным пристрелить его. Был созван совет племени, который обсуждал вопрос в течение двух дней и пришел к заключению, что приказу вождя надо подчиниться. «Вендиго» лег в своем вигваме и рукой указал, куда в него надо стрелять.

Когда он умер, на его тело насыпали дрова, и костер горел два дня, чтобы, по верованиям индейцев, полностью уничтожить злой дух вождя. Дело было доложено г-ну Банналатину, но, поскольку племя Кошачьего озера не имеет договора с канадскими властями, это дело будет рассмотрено по специальной процедуре.

Констебль Чемберлен поехал в Лаксеул. Там к нему присоединились г-н Банналатин и двое проводников. Они за двадцать дней проделали путешествие в семьсот миль. Двое индейцев были арестованы и сегодня доставлены сюда для суда.

ΠΡΟΛΟΓ

сентябрь 2009 года:

«Вырезки»

Чтица была бывшей учительницей английского в средней школе, а ее мать жила в приюте с 2001 года. С тех пор чтица в течение пяти лет раз в неделю полчаса ехала из Алачуа в Гейнсвилль, чтобы навестить свою мать. В хорошую погоду они сидели в том же мощеном дворе между двумя жилыми зданиями, где теперь она сидела со мной. Посередине двора журчал фонтан, с трех сторон окруженный столиками в стиле бистро — крашенными и перекрашенными, чтобы устоять в тропическом климате Флориды. Даже сейчас, в конце сентября, воздух казался густым от влажности, и температура была под сорок — и это в тени.

Ее мать скончалась в 2006 году, но чтица все равно по доброй воле каждую неделю приезжала, чтобы читать обитателям приюта, у которых не было семьи или которых редко — если вообще — навещали. Директор приюта назвал мне ее имя и дал номер ее телефона. Нет, сказал он мне, насколько ему известно, человек, который называл себя Уильям Джеймс Генри, не общался близко ни с кем из других постояльцев. Единственным его посетителем была эта самая волонтерка, которая сейчас сидела напротив меня, потягивая из высокого стакана чай со льдом, в котором не оставалось никакого льда. Возможно, она мне поможет, сказал директор.

— Ничем не могу вам помочь, — сказала мне сейчас чтица.

— Он никогда ничего не говорил? — спросил я.

— Он называл только свое имя и год рождения.

пролог

— Тысяча восемьсот семьдесят шестой.

Она кивнула.

— Я подшучивала над ним. Я говорила, да ладно вам, Уильям, вы не могли родиться в этом году. Он кивал, а потом снова это повторял.

— Что он делал, когда вы ему читали?

— Смотрел в никуда. Иногда засыпал.

— У вас когда-нибудь создавалось впечатление, что он слушал?

— Не в этом было дело, — сказала мне она.

— А в чем же?

— Общение. У него никого не было. Только по вторникам в два часа у него была я.

Она потягивала чай. Фонтан журчал. С одного края бассейна вода вытекала и выплескивалась на брызжик. Фонтан был установлен на мягком песчаном грунте, и его немного перекосило. На другой стороне двора за столиком сидели двое постояльцев, мужчина и женщина. Они держались за руки и смотрели — или казалось, что смотрели, — как играл свет в струях фонтана. Она кивнула в их сторону.

— Одно время у него была и она.

— Была она? А кто она?

— Ее зовут Лиллиан. Она была подругой Уильяма.

— Его подругой?

— Не только его. С тех пор как я здесь бываю, она поменяла примерно двенадцать друзей. — Чтица коротко рассмеялась. — У нее, бедняжки, болезнь Альцгеймера. Она ходит от мужика к мужику, липнет к ним по несколько недель, а потом теряет интерес и подбирает кого-то другого. Персонал называет ее сердцежкой. Некоторые постояльцы очень переживают, когда она их бросает и уходит к другому.

— А Уильям переживал?

Она покачала головой.

— Трудно сказать. Уильям был... — Она подыскивала слова. — Иногда казалось, что он был аутистом. Не полное помешательство, но что-то такое, от чего он страдал всю жизнь.

— Он не был аутистом.

Она отвела взгляд от Лиллиан и ее компаньона и изучающе посмотрела на меня, подняв брови.

— Да?

— Когда он умер, у него под кроватью нашли старые блокноты. Что-то вроде дневников или мемуаров, которые он написал еще до того, как попал сюда.

— Правда? Тогда вы знаете о нем больше, чем я.

— Я знаю, что он написал о себе, но я не знаю ничего о нем, — осторожно сказал я. — Я прочитал только первые три дневника, и это... очень отвлеченные вещи.

Я чувствовал себя неуютно под ее взглядом. Я повернулся в кресле и посмотрел через двор на Лиллиан.

— Она бы его вспомнила? — поинтересовался я вслух.

— Сомневаюсь.

— Думаю, стоит спросить, — сказал я без большого энтузиазма.

— Они сидели часами, — заметила чтица. — Не разговаривали. Просто держались за руки и смотрели в никуда. Это было мило, если только не думать о неизбежном.

— О неизбежном? — я решил, что она говорит о смерти.

— О том, что она уже положила глаз на следующего. Видите того, с кем она сейчас сидит? Его зовут

Кеннет, и она с ним уже около месяца. По-моему, их хватит еще на неделю, и бедняга Кеннет снова окажется в одиночестве.

— Как Уилл это воспринял — то, что она его бросила?

Чтица пожала плечами.

— Я не заметила, чтобы он как-то переживал.

Я еще с минуту наблюдал за Лиллиан и ее кавалером.

— Но это еще не значит, что он не переживал, — сказал я.

— Нет, — согласилась она, — не значит.

В тот же день я повидался с лечащим врачом Уилла Генри, человеком, который объявил о его смерти ночью 14 июня 2007 года. Он наблюдал Уилла все время, пока тот находился в приюте.

— Знаете, — сказал он с игривой искоркой в глазах, — он уверял, что родился в тысяча восемьсот семьдесят шестом году.

— Я слышал об этом, — сказал я. — Как, по-вашему, сколько лет ему было на самом деле?

— Трудно сказать. За девяносто, может, ближе к ста. И для своего возраста он был в прекрасной форме.

— Если не считать слабоумия.

— Ну, если вы живете достаточно долго, то слабоумие неизбежно.

— От чего он умер?

— От старости.

— Инфаркт? Инсульт?

— Скорее всего, одно из двух. Без вскрытия трудно определить. Но результаты его последнего обследования были просто замечательными.

— Вы когда-нибудь находили... Было ли какое-то проявление... Может, что-то странное с его... Скажите, вы когда-нибудь брали у него анализ крови?

— Конечно. Это была часть регулярных обследований.

— А вы когда-нибудь находили что-то... необычное? Доктор вопросительно повел головой, и мне показалось, что он сдерживается, чтобы не улыбнуться.

— В чем, например?

Я кашлянул, прочищая горло. Высказанная вслух, эта мысль казалась еще более смехотворной.

— В своих дневниках Уилл Генри говорит, что в одиннадцать-двенадцать лет он был... э-э... инфицирован каким-то паразитом. Беспозвоночным, вроде солитера, только гораздо меньшего размера. И что этот паразит позволяет людям неестественно долго жить.

Доктор кивал. На долю секунды я ошибочно принял это за знак согласия, за признание того, что он слышал о таком симбиозном существе. И если эта часть фантастической истории жизни Уилла Генри была правдой, то что еще в ней могло быть правдой? Могла ли существовать такая наука, как монстрология, которую в конце XIX века практиковали люди вроде его опекуна, блестящего и загадочного Пеллинора Уортропа? Возможно ли, что в моих руках оказалась не фантастика, а мемуары о действительно экстраординарной жизни, растянувшейся больше чем на столетие? И главный вопрос, от которого я просыпался глубокими ночами с дрожью и в холодном поту и который потом долго не давал мне уснуть... Могли ли чудовища существовать в реальности?

Моя надежда — если мое ощущение можно было так назвать — прожила недолго. Кивание доктора не означало согласия. Он так демонстрировал свою вежливость.

— А ведь было бы здорово? — спросил он риторически. — Но нет, у него была совершенно нормальная